

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Т. А. Карасова, М. Штереншис

Политический режим современного Израиля

Татьяна Анисимовна Карасова, канд. ист. наук,
зав. Отделом изучения Израиля и еврейских общин
Института востоковедения РАН.
107031, Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: karasovat@list.ru

Штереншис Михаил, PhD, преподаватель,
Американский институт израильского образования (AMIE).
Ход ха-Шарон, Израиль. E-mail: shteren20@yahoo.com

***Аннотация.** Данное исследование анализирует структуру политического режима в государстве Израиль. Существующие в Израиле демократические институты контролируют не все политически важные процессы в стране, часть из которых подвержена влиянию различных иных политических сил. Так как эти силы стимулируют, замедляют или изменяют процессы принятия государственных решений и влияют на их исполнение, они определяются как «кратии» (компоненты, ветви власти). Слабость израильской демократии в практическом управлении страной позволяет «кратиям», особенно теократии, партократии и бюрократии, вмешиваться во внутреннюю политику государства и политический режим Израиля, который можно определить как мультикратия с демократической доминантой.*

***Ключевые слова:** Израиль, демократия, автократия, партократия, мультикратия, политический режим.*

Общепринятая в российских учебниках и пособиях по политологии, государству и праву классификация политических режимов включает в себя три определения: демократия, авторитарный режим (автократия), тоталитарный режим (диктатура). В некоторых случаях упоминаются и гибридные режимы. В вышеуказанных источниках демократия далее классифицируется на прямую, плебисцитарную, либеральную, элитарную, представительную (плюралистическую), цензовую и некоторые другие виды. В западных учебниках принят своего рода чёрно-белый подход, при котором все режимы делятся на демократии и автократии (авторитарные режимы, диктатуры) [48, p.12]. В англоязычной литературе демократию также принято классифицировать как прямую/непрямую, либеральную/нелиберальную, открытую/закрытую, частичную [13, p.16–33], гуманитарную [23, p. 609–624], электоральную [35, p. 609–624], совещательную (deliberative) и консоциальную (consociational) [19, p. 13–18].

Взаимоотношения между различными ветвями власти неоднократно подвергались исследованию, но эти исследования практически всегда проводились на дихотомической основе. Отдельно были исследованы отношения автократии и демократии [45, p. 270–278], плутократии и демократии; теократии и демократии; технократии и бюрократии; демократии и партократии. Из этих исследований делался справедливый общий вывод, что демократии приходится взаимодействовать и делиться с другими ветвями власти в процессе управления государством. Однако в каждом исследовании выделялись лишь две-три основные противоборствующие или сотрудничающие силы. В государстве Израиль таких сил намного больше.

Политический режим государства Израиль трудно вписывается в эти классификации. Если понимать политический режим как совокупность приёмов, способов и методов осуществления политической власти, в Израиле далеко не вся политическая власть и далеко не все политически важные решения принимаются на основе демократических или национальных принципов. В современной литературе израильская демократия критикуется с либеральной/нелиберальной и открытой/закрытой точек зрения и характеризуется как хрупкая, неполная, или, как ми-

нимум, «своеобразная» (peculiarities of Israel's democracy). Термин «неполная демократия» при полной власти в стране подразумевает, что «пирог власти» в Израиле имеет сегменты, которые нельзя отнести к демократическому правлению. Также используются такие определения израильской демократии, как «мажоритарная», «консенсусная» демократия, «объединительная» модель демократии и т. д. Представленные модели в основном абстрактны, так как ни одна современная демократия не включает в себя всех перечисленных элементов одной или другой модели демократии. Помимо демократических процедур и институтов, существуют и иные политические силы, которые принимают участие в государственном управлении.

Такие попытки уточнения термина «демократия» не вносят ясности в типологическую структуру государственного устройства. Скорее всего, более подходящим определением израильской структуры власти является «гибридность», которую известный эксперт П. Меддинг — в своё время — объяснял наличием четырёх мажоритарных элементов: кабинета министров, доминирующего над парламентской системой, унитарного и централизованного правительства, однопалатного парламента, парламентского суверенитета [36, р. 3]. К этим признакам следует прибавить ещё четыре, имеющих консенсусный характер: принцип пропорционального представительства; многопартийность; плюрализм в политических взглядах (multidimensional issue cleavages) и широкие правительственные коалиции. Сущность этой оценки состоит в том, что израильская демократия обладает целым рядом сложных переплетений элементов власти, которые характерны и для других демократий. В то же время израильская демократия имеет некоторые специфические черты.

Исходя из этого, предлагается использование (*kratia* — власть - греч.) базирующейся терминологии, где «кратия» означает силу, которая может способствовать принятию властными институтами политического решения. Чрезвычайно сегментированное израильское общество формирует «пирог власти» согласно своим основным предпочтениям, внося мультифакториальный критерий в процесс принятия политических решений в стране. В современном Израиле нет признаков прямого противостояния власти и гражданского общества, но есть множество несовпадений в интересах (предпочтениях) различных частей общества.

У разных сегментов израильского социума эти предпочтения довольно различны. Для части граждан права человека, гражданские свободы и открытые контролируемые выборы во властные структуры являются основными элементами политического режима (демократическая предпочтения), другая часть общества ставит на первое место необходимость в сильном лидере (автократическая предпочтения), специфический для Израиля крупный сегмент религиозных жителей более всего ценит необходимость в религии (теократическая предпочтения), в то время как иная часть общества полагает, что политический режим более всего нуждается в строгом контроле над исполнением законов и чётко работающей судебной системе (критократическая¹ предпочтения). Члены той или иной политической партии могут быть уверены, что только их партия обеспечит оптимальное функционирование государственных институтов (партократическая предпочтения), богатый сегмент населения заботится о сохранении своего статуса и о решении своих специфических задач через политические институты (плутократическая предпочтения), клановая организация некоторых сегментов израильского общества стимулирует членов этих кланов или сообществ прислушиваться к мнению элитных семей (аристократическая предпочтения). Технократическая предпочтения выражается в желании иметь сильную, чётко функционирующую государственную инфраструктуру. Яркое выраженное желание оптимизации работы чиновничьего аппарата проявляется в бюрократической предпочтения. Наконец, небольшой сегмент общества полагает, что воля простого жителя страны, основанная на здравом смысле или традиционном укладе жизни, важнее официальных государственных законов (охлократическая предпочтения). При этом, естественно, не существует части общества, наделённой какой-либо единой предпочтением. Совокупность, взаимодействие и противоборство интересов различных слоёв израильского общества делает политический режим довольно своеобразным.

Нельзя, например, не упомянуть об этнократической составляющей израильской демократии. При создании государства Израиль в 1948 г. оно было определено как демократическое с последующим уточнением как демократическое и национальное (еврейское). С точки зрения принятых в западной политологии норм израильское государство имеет развитое демократиче-

¹ Критократия (*kritocracy*, от греч. *krites* - судья). Тот же корень в словах *критика*, *критерий* — правление, осуществляемой на основании личного мнений судей, термин, используемый преимущественно при описании истории Израиля.

ское устройство. Израильяне традиционно и оправданно гордились и гордятся своей демократией. В рамках широкого консенсуса всех сионистских сил Израиль с первого момента своего существования мыслился как еврейское демократическое государство. В период, когда возникло это определение, вряд ли кто-либо видел противоречие между двумя частями этого определения. Право народов на самоопределение в форме независимого национального государства воспринималось как одно из неотъемлемых гражданских прав, а понятия «национализм» и «демократия» были почти синонимами.

Однако с течением времени, примерно с начала 1980-х гг., оценки израильской демократии среди самих израильских политологов существенно изменились. Мнения разделились на тех, кто считает, что определение Израиля как еврейского государства абсолютно неправомерно с точки зрения норм либеральной демократии, и тех, кто утверждает, что еврейское государство не противоречит принципам либеральной демократии. Израильский социолог, профессор С. Самуха определяет Израиль как «этническую демократию», так как нарушение этнического равенства меняет структуру и природу израильской демократии [44, p.1]. Этническая демократия — это политический режим, который соединяет в себе распространение основных гражданских и политических свобод на постоянных жителей с признанием привилегированного положения одной этнической группы («основной, титульной нации») в отношении государства, что проявляется в доминировании основной нации в государственном управлении. Не принадлежащие к основной нации группы в данной ситуации нередко воспринимаются как угроза для привилегированного положения основной нации, но при этом допускается политическая борьба других групп за изменение положения. Это демократия, которая включает в себя недемократические элементы доминирования, а значит, она может быть понята как ограниченная, несовершенная разновидность демократии. С. Самуха подчёркивает, что «с меньшинствами обращаются как с второсортными гражданами». В то же время им разрешено вести борьбу за свои права демократическими мирными средствами [44, p. 2].

Известные израильские эксперты А. Рубинштейн и А. Якобсон, напротив, решительно встают против тех, кто в понятие «еврейское государство» вкладывают отрицательный смысл «с далеко идущими выводами». Они не согласны с упрёками, которые сводятся к тому, что в определении Израиля в качестве «еврейского государства» заключён элемент неравенства и уже Декларация независимости была сформулирована как декларация еврейского народа². Однако всё более очевидным становится тот факт, что наличие арабского меньшинства и его положение в Израиле меняют характер израильской демократии.

Гипотеза о соотношениях основных ветвей власти в Израиле предполагает, что политические партии, общественные движения, лобби, религиозные общины, гражданские ассоциации и союзы, практически любые правительственные или неправительственные институты обычно руководствуются своими предпочтениями при выдвижении инициатив, законопроектов, или петиций. Совокупно все политические решения, принятые институтами власти с учётом той или иной предпочтения, составляют *kratia*-сегмент этой предпочтения в общем «пироге власти» в стране. С другой стороны, специфические для каждой «кратии» институты — автократическая канцелярия премьер-министра Израиля, демократический парламент (Кнессет), критократический Высший суд, теократические раввины, бюрократические министерства — активно действуют в попытках укрепить своё политическое влияние, пытаясь расширить тем самым сегмент той или иной «кратии» в общем «пироге власти».

Составляющие власти в Израиле

В государстве Израиль *автократическая* составляющая власти принадлежит премьер-министру, а не президенту. Основной Закон о государстве был принят Кнессетом только в 1968 г.³ Он детально описывает функции, права и обязанности министров и заместителей министров, но не конкретизирует границы власти премьер-министра, за исключением упоминания о том, что он формирует правительство. Дополнения к этому закону от 1992 и 2001 гг. не внесли дальнейшей конкретизации функций премьер-министра, за исключением того факта, что он имеет право распустить парламент с согласия президента страны. Будучи главой исполнительной

² Якобсон А., Рубинштейн А. Или еврейское, или демократическое? // Время искать (Иерусалим). — 2004. № 10. — С. 41.

³ Basic Law: The Government. Hebrew version: Sefer Ha-Chukkim (Сборник законов) #540 of 21st August, 1968. — Jerusalem: Government Press, 1968, p. 226; English version: Laws of the State of Israel, vol. 22: 1967/68. — Jerusalem: Government Press, 1968, p. 257–264.

власти, главой администрации, главным дипломатом страны, главнокомандующим и лидером партии, премьер-министр имеет свою канцелярию как институт для претворения в жизнь своих авторитарных решений⁴. Хотя власть премьер-министра является ограниченной, контролируемой и основанной на демократических принципах, она также является его личной властью в том понимании, что многие его действия, решения или приказы не требуют ежедневного одобрения со стороны парламента.

Бюрократическая составляющая в Израиле неестественно раздута. Первое правительство страны (1949–1950 гг.) обходилось премьер-министром и 12 министрами, в то время как 29-е правительство (2001–2003 гг.) имело 26 министров, и с тех пор число министров не опускалось ниже 22 человек. Бюрократическая машина Израиля является «кратией», так как может ускорить или замедлить проведение законов в жизнь, имеет возможность выпускать свои руководства и инструкции, тем самым непреднамеренно или специально изменяя букву закона и влияя на политические процессы в стране [21, р. 551–569].

Теократический компонент традиционно силен в Израиле из-за выработанного еще в 1948 г. статус-кво в отношениях государства и религии, в результате чего религия не отделена от государства. Несмотря на это статус-кво, религиозные институты пытаются расширить свое политическое влияние, включая такие области, как международные отношения, система образования, жилищная проблема и медицина⁵. Если религиозные партии входят в правительственную коалицию, то при подписании коалиционных соглашений они обычно пытаются получить финансовые преимущества для своего электората. Такие государственные институты, как министерство по делам религий и два главных раввина, контролируют теократический сегмент политической власти в стране. Религиозные политические партии имеют две основные задачи: глобальную — превратить Израиль в религиозно-еврейское государство и локальную — удовлетворить нужды религиозного населения. С первых дней независимости религиозные партии были союзниками правящей партии «Мапай» и входили в правящие коалиции всех правительств, которые формировал первый премьер-министр страны Д. Бен-Гурион. Это позволяло религиозным партиям играть во внутренней политике важную роль, не соответствующую их скромным размерам.

Декларация независимости и Основные законы провозглашают свободу совести и религии одним из основных принципов израильской демократии. Существует полная свобода религии в преимущественно еврейском государстве. Признанные религиозные общины наделены полномочиями регистрировать обращение в религию новых членов, а также браки между членами своих общин. В то же время государство не занимается пропагандой религии. Однако в широком смысле свобода вероисповедания в Израиле ограничена, так как законы обязывают граждан находиться под юрисдикцией религиозных судов (прежде всего, это касается брака и развода), независимо от их личного желания и отношения к религии.

В первой половине 1990-х гг. наметилась тенденция к сужению полномочий религиозных судов, а также к ограничению многолетней монополии учреждений ортодоксального иудаизма. Эта тенденция проявлялась, прежде всего, в легитимации консервативного и реформистского течений в иудаизме. Были приняты решения о плюралистическом подходе к изучению иудаизма в системе государственного образования, о создании альтернативных кладбищ, о частичном финансировании учреждений неортодоксального иудаизма.

Улучшение взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти — это одна из наиболее часто дискутируемых проблем политологии. В Израиле судебная власть вмешивается в это взаимодействие, становясь политическим фактором. Основным критократическим институтом является Высший суд справедливости. Большинство исследователей сходится во мнении, что политическая деятельность этого суда постоянно расширяется. Это позволяет исследователям говорить о «юридикализации израильской политической системы» и влиянии судебной системы на процесс политической децентрализации и процесс усиления политического плюрализма [28, р. 513–533]. Высший суд справедливости был вовлечен в такие политически важные темы, как свобода слова и земельная политика [30, р. 1190–1196; 31, р. 626–643].

Основной составляющей *технократического* сегмента в израильской политике является развитие отрасли высоких технологий, телекоммуникаций и компьютеризация. Текущие техноло-

⁴ Официальный сайт канцелярии премьер-министра Израиля. URL: <http://www.pmo.gov.il/English/PrimeMinistersOffice/DivisionsAndAuthorities/Pages/default.aspx>

⁵ Карасова Т. А. Демократия в Израиле. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/demokraticeskaja_forma_vlasti_i_politicheskaja_sistema_izraila_2010-12-23.htm

гические изменения вызывают политические и социальные сдвиги, которые израильское правительство не может игнорировать. Современные исследователи указывают на политически значимые технологические и медицинские элементы технократизации Израиля [41, р. 78–83].

Партократия в Израиле настолько была стилем жизни общества, что уже в 1950-е гг. Израиль называли «государством партий» (*Partienstaat*). В первые годы независимости, когда действовали строгие экономические ограничения, партии, помимо политики, занимались тем, что добывали для своих членов всевозможные блага. Руководство ведущих партий, их выдвиженцы в правительстве и парламенте вовлечены в процесс принятия важнейших государственных решений. Лидеры основных партий правящей коалиции, сформировав кабинет министров и имея большинство в кнессете, выполняют все основные функции управления государством: формулируют общие цели государственной политики, контролируют исполнительную и законодательные власти и представляют высший слой политической (правящей) элиты [5, с. 11, 217, 223, 395]. Партократия опасна тем, что политические решения могут приниматься не правительством государства, которое, в принципе, заботится обо всех гражданах, а руководством отдельной партии, которое заботится о своём электорате. Делегаты партийной конференции, или даже только некоторые члены центра партии (например, известный «кухонный» кабинет Г. Меир), зачастую решали общегосударственные задачи — как, например, выбор премьер-министра или создание правительства национального единства⁶. Израильские партии несколько условно принято делить на левые, правые, религиозные и арабские. Левые и правые в свою очередь делятся на сионистские и несионистские партии.

Израильская *аристократия* несколько отличается от современного понятия «политических элит», так как в арабском и ультрарелигиозном секторах израильского общества значение этого термина продолжает соответствовать значению, которое оно имело в XIX в. Клановая организация арабских, друзских и бедуинских сообществ делает аристократию политическим элементом, так как члены этих сообществ голосуют на выборах не как отдельные личности, а как члены клана, действующие по указке своих элитных семей [37, р. 292–305]. Аналогичная тенденция просматривается и в религиозном секторе еврейского населения страны, когда члены хасидских общин голосуют по прямому указанию своего религиозного лидера, ребе. Во многих хасидских общинах должность ребе передается по наследству.

Израильская *плутократия* как политическое влияние богатых членов общества существует благодаря слабости и неразработанности демократических институтов. В теории идеального демократического общества любой запрос члена этого общества может быть решен через существующие демократические институты. Коррупция чиновников как специфический метод манипулирования процессом принятия решений просматривается в Израиле не только в деловой, но и в политической сферах. Коррупция чиновников в Израиле оценивается в международных рейтингах как умеренная [17, р. 292–305]. Однако, вышеупомянутая раздутость министерского аппарата и значительный оборонный бюджет, по мнению некоторых исследователей, являются стимуляторами коррупционных тенденций [31, р. 2340]. Плутократия появляется с того момента, когда богатый сектор населения получает возможность добиваться принятия выгодных для себя политических решений через лоббирование или коррупцию.

Охлократические тенденции в современном Израиле в целом крайне незначительны, однако в арабском, друзском и бедуинском секторах отношение к женщинам основано не на законах страны, а на принципах традиционного уклада жизни. Кровная месть как вариант самосуда также иногда встречается в вышеуказанных секторах общества [13, р. 457–472].

Часто демократия в Израиле критиковалась и критикуется не только с вышеупомянутых политических позиций [6, с. 11, 217, 223; 6а; 23, р. 118–119], но и с точки зрения её слабости в управлении государством [33, р. 37–54; 24, р. 1309–1323; 25, р. 203–208]. Часть экспертов указывает на автократические тенденции израильских лидеров, делигитимацию власти, раздутый государственный аппарат, ограничение функционирования демократических институтов, накладываемое статус-кво в отношениях светской и религиозной частей общества и технократическими требованиями части израильского общества. Попытки улучшить механику управления государством оказались малоэффективными. Вышеупомянутый Основной закон от 1968 г. в его новой редакции от 1992 г. заменил израильскую парламентскую систему смешанной системой. Помимо выборов Кнессета по партийным спискам были введены и прямые вы-

⁶ В годы доминирования МАПАЙ-МАИ (1948–1977) кнессет был «карманным» парламентом этой партии и автоматически утверждал все законопроекты её правительства [4, с. 395].

боры премьер-министра. Это новшество не улучшило политического положения в стране, и в 2001 г. Основной закон был снова скорректирован в обратную сторону [15, р. 158].. Большинство вышеупомянутых исследователей сходится во мнении, что слабость израильской демократии кроется не в её теоретическом базисе, а в её неэффективности в практическом, прикладном управлении страной.

Терминологические уточнения

Уместны несколько терминологических уточнений. Критократия как управление государством посредством жёсткого контроля над соблюдением законов, вовлечённости в принятие законов и эффективной судебной системы отличается от используемых терминов «правовой идеализм» или «правовой фетишизм», под которыми понимается стремление к созданию «идеальных» законов, а не жёсткий контроль над их соблюдением. Термин охлократия лишь частично совпадает с понятием «правового нигилизма» [1, с. 58–59], так как это не есть полное отрицание законности и права, а подмена государственных законов неформальными правовыми нормами. Плутократия и олигархия часто понимаются как почти синонимы, но авторы подразумевают, что если олигархия имеет тенденцию подменять собой демократические институты, то плутократия сосуществует с ними, не вступая с этими институтами в прямой конфликт.

Концепция мультикратии отличается от концепции поликратии (полиархии), предложенной Р. Далем в 1956 г. [17]. Даль описывает систему управления, в которой власть принадлежит трём и более личностям. Эта теория не предполагает сосуществование нескольких политически активных сил в одном государстве и более сосредоточена на описании преимуществ и недостатков коллективного принятия решений. Концепция мультикратии отличается и от понятий лобби и групп по интересам (*interest groups, pressure groups*). Эти группы не являются самостоятельными «кратиями», а лишь поддерживают те или иные «кратии», так как их цели можно классифицировать по изложенным выше предпочтениям. Практические все инициативы общественных групп и движений можно определить соответственно кратия-классификации, так как основные предпочтения граждан остаются неизменными.

Теория гибридных режимов также не описывает политический режим в государстве Израиль. Эта теория подразумевает, что в процессе демократизации стран, бывших под диктаторским режимом, некоторые из них могут задержаться в некой переходной серой зоне при одновременном существовании в них как демократических, так и недемократических институтов. С момента своего образования в 1948 г. Израиль не менял своего политического устройства, не находится в переходном периоде и не может определяться как государство с гибридным режимом. Упомянутая консоциальная демократия также не может быть признана политическим режимом Израиля. Концепция консоциальной демократии предполагает разделение «пирога власти» в многонациональных государствах для удовлетворения специфических интересов каждой нации [18, р. 21–35]. Это разделение закрепляется соглашением, которое устанавливает общественное согласие и покой в стране, но предполагает уступки и отход от либеральной демократии в чистом виде. Такой подход к проблеме изначально вторичен, так как, хотя каждый народ в многонациональном государстве и имеет свои собственные «национальные интересы», эти интересы при дальнейшем их анализе также классифицируются на теократические, демократические, автократические, аристократические и т. д. согласно основным предпочтениям общества, которые одинаковы для всех народов. В Израиле подобного положения вещей нет и термин «консоциальная демократия» также не определяет его политический режим.

Определение политического режима Израиля как «неполной демократии» [6, с. 9–11, 12–13; 42, р. 119–133; 23, р. 118–119] – это, по сути, признание мультикратии без употребления самого термина. «Пирог власти» в стране – это всегда 100 %. В Израиле нет анархии и/или вакуума власти. Следовательно, если демократия в стране неполная, а «пирог власти» полный, значит он дополнен некими иными недемократическими сегментами. Однако авторы, пишущие на тему слабости израильской демократии, не указывают, какие политически активные силы заполняют пустующие сегменты «пирога власти» в стране.

Мультикратия как политический режим государства Израиль

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что существующее в государстве Израиль стандартное для республик разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви вылилось в борьбу автократии, демократии и критократии. Каждая из этих

кратий пытается расширить свой сегмент в «пироге власти». Премьер-министр может принять не одобренное парламентом политическое решение, Высший суд справедливости может опротестовать принятый парламентом закон на основании его противоречия ранее принятым законам или международному праву. Религиозные институты — это изначально недемократические жёстко иерархичные структуры. В Израиле им принадлежит сеть религиозных школ, неподотчётных министерству образования. Система образования в арабском секторе контролируется министерством образования лишь частично. Благодаря многопартийной системе, все правительства Израиля являлись коалиционными. При подписании коалиционных соглашений партократические тенденции обычно перевешивали демократические предпочтения. Государство старается не вмешиваться в клановый традиционный уклад жизни в арабском секторе, уступая местной аристократии часть власти. Во время избирательных компаний часть населения страны голосует не как отдельные независимые граждане, а как представители этнической или религиозной группы, подчиняющейся своему лидеру. Тем самым эти лидеры, не будучи сами во властных структурах, оказывают влияние на власть в стране, то есть являются «кратией». Плутократическое давление на власть остаётся сильным, несмотря на попытки его контролировать. Эти попытки привели к отставке президента страны (Э. Вейцман) и премьер-министра (Э. Ольмерт), однако проблема в целом далека от решения, и плутократический сегмент в «пироге власти» остаётся.

В результате «пирог власти» в государстве Израиль можно представить как сочетание и противоборство всех ветвей власти. Большинство этих «кратий» имеет свои институты (канцелярия премьер-министра, Кнессет, Главные раввины, Высший суд справедливости, министерства, руководство политических партий). Происходит постоянная борьба между «кратиями» за расширение их сегментов. Эта практически ежедневная борьба прослеживается на уровне политических решений и законов. Например, если раввинам удаётся закрыть часть проезжих улиц в городе по субботам, теократический сегмент расширяется в ущерб демократическому и технократическому. Если министерству внутренних дел удаётся ввести нерелигиозную регистрацию брака, это усиливает демократию и государственную бюрократию в ущерб теократии.

Для определения политического режима Израиля приемлем термин «мультикратия» (мультиформократия). Мультикратия израильского «пирога власти» сложилась в основных своих чертах в первые годы существования государства. В дальнейшем её развитие предполагало не изменение числа его сегментов, а постоянную борьбу, расширение/сужение доли этих сегментов в структуре государственной власти. Такая структура позволила сохранить основные элементы демократического режима, дав при этом отдельным группам населения возможность удовлетворять свои религиозные, партийные, клановые, экономические и общественные запросы. Существующие в Израиле демократические институты контролируют большинство, но не все политически важные процессы в стране, часть из которых подвержена влиянию различных иных политически активных сил, которые — тем самым — определяются как «кратии». Так как доминирующим сегментом властных структур являются демократические институты, политический режим государства Израиль ближе к мультикратии с демократической доминантой.

The Political Regime of Modern Israel

Tatiana Karasova, PhD (History), Head of the Department
of Israel and Jewish Communities Studies,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
107031, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, Russian Federation.
E-mail: karasovat@list.ru

Mikhael Sterenshis, PhD (History), Lecturer,
Alexander Muss Institute for Israel Education (AMIIE).
Hod HaSharon, Israel. E-mail: shteren20@yahoo.com

Summary. The current research analyses the structure of the political regime in the State of Israel. It demonstrates that existing Israeli democratic institutions do not control the state's policymaking in full, and several politically important processes are controlled or at least influenced by various other politically active forces. While these forces can influence, stimulate, inhibit, and otherwise change governmental decisions and

actions, they can be labeled as kratiae. The governability of the Israeli democracy is weak, other kratiae can intervene in policymaking and the state's regime acts as democracy-dominated multicracy.

Keywords: *Israel, democracy, autocracy, partocracy, multicracy, political regime.*

Литература / References

1. Григорьева И. В. Теория государства и права: Учебное пособие. — Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2009.
2. Жуков В. И., Краснов Б. И. Общая и прикладная политология: Учебное пособие. — М.: МГСУ; Изд-во «Союз», 1997.
3. Зеленков М. Ю. Политология: Базовый курс. — М.: Юридический институт МИИТа, 2009.
4. Карасова Т. А., Звягельская И. Д., Федорченко А. В. Партийная система. Государство Израиль. — М.: Институт востоковедения РАН, 2005.
5. Карасова Т. А. Политическая история Израиля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее. — М.: Институт востоковедения РАН; «Наталис», 2009.
6. Карасова Т. А. (ред.) Демократическая форма власти и политическая система Израиля. Сборник научных статей. — М.: Рيالтекс, 2009.
- 6а. Крылов А. В. Энциклопедия израильской политики // Мировая экономика и международные отношения. — 2015. № 3. — С. 123–127.
7. Оврах Г. П. Политология. — Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 2000.
8. Тургаев А. С., Хренов А. Е. (ред.) Политология: Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2005.
9. Федорченко А. В., Зайцева О. А., Марьясис Д. А. Израиль в начале XXI века. — М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004.
10. Штереншис М. Соотношение типов власти в Израиле по результатам парламентских выборов 2006 и 2009 годов. Израиль в современном мире: Сб. статей // Институт Востоковедения РАН. — М.: Рيالтекс, 2009.
11. Штереншис М. Израиль: история государства. 3-е изд. — Герцлия: Исрадон, 2010.
12. Adler I., Lewin-Epstein N., Shavit Y. Ethnic Stratification and Place of Residence in Israel: A Truism Revisited // Research in Social Stratification and Mobility. 2005. № 23. P.153–190.
13. Al-Krenawi A., Slonim-Nevo V., Maymon Y., Al-Krenawi S. Psychological responses to blood vengeance among Arab adolescents // Child Abuse & Neglect. 2001. № 25(4). P. 457–472.
14. Basic Law: The Government. Sefer Ha-Chukkim (Сборник законов). № 1780. — Jerusalem: Government Press, 2001.
15. Becker G. S. A Theory of Competition among Pressure Groups for Political Influence // The Quarterly Journal of Economics. 1983. № 98 (3). P. 371–400.
16. Brown D. S., Toughton M., Whitford A. Political Polarization as a Constraint on Corruption: A Cross-national Comparison // World Development. 2011. № 39(9). P. 1516–1529.
17. Dahl R. A. A Preface to Democratic Theory. — Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1956.
18. Diamond L. Elections Without Democracy: Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. № 13. P. 21–35.
19. Diamond L. The state of democratization at the beginning of the 21st century // The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations, 2005. № 1. P. 13–18.
20. Doron G. and Meydani A. Establishing a Constitutional Court? An alternative political culture approach — the Israeli case // Policy and Society. 2007. № 26 (4). P. 105–124.
21. Enosh G. Resistance to evaluation in batterer's programs in Israel // Children and Youth Services Review. 2008. № 30 (6). P. 37–54.
22. Epstein D. L. Democratic transitions // American Journal of political science, 2006. № 50 (3). P. 551–569.
23. Frankel W. Israel Observed: An Anatomy of the State. — London: Thames and Hudson, 1980. P. 118–119.
24. Goodman Y., Witztum E. Cross-cultural encounters between careproviders: rabbis' referral letters to a psychiatric clinic in Israel // Social Science & Medicine. 2002. № 55 (8). P. 1309–1323.
25. Gonen A., Shilhav Y. Spatial competition between school systems: The case of state religious education in Israel // Geoforum. 1979. № 10 (2). P. 203–208.
26. Grant I. Israel's security crucible // Infosecurity Today. 2006. № 3 (2). P. 28–30.
27. Gupta S., de Mello L., Sharan R. Corruption and military spending // European Journal of Political Economy. 2001. № 17 (4). P. 749–777.

28. *Hammerman A., Greenberg D.* Estimating the budget impact of new technologies added to the National List of Health Services in Israel: Stakeholders' incentives for adopting a financial risk-sharing mechanism // *Health Policy*. 2009. № 89 (1). P. 78–83.
29. *Karniel Y.* Balancing the protection of civil liberties during wartime: How the Israeli Supreme Court shaped Palestinian freedom of expression during the Second Intifada // *Government Information Quarterly*. 2005. № 22 (4). P. 626–643.
30. *Kopstein J., Lichbach M.* Comparative politics. 2nd ed., Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005. P. 16–33.
31. *Kotera G., Okada K., Samreth S.* Government size, democracy, and corruption: An empirical investigation // *Economic Modelling*. 2012. № 29 (6). P. 2340–2348.
32. *Lijphart A.* Consociational democracy // *World Politics*. 1969. № 21 (1). P. 207–225.
33. *Lijphart A.* The wave of power-sharing democracy // *The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management, and Democracy* / Ed. *A. Reynolds*. — New York: Oxford University Press, 2002. P. 37–54.
34. *Mahoney D. J.* Humanitarian Democracy and the Postpolitical Temptation // *Orbis*. 2004. № 48 (4). P. 609–624.
35. *Meydani A.* The design of land policy in Israel: Between law and political culture // *Land Use Policy*. 2010. 27 (4). P. 1190–1196.
36. *Medding P.* The Formation of Israeli Democracy, 1948–1967. — New York: Oxford university press, 1990. P. 3.
37. *Neuberger B.* Education for democracy in Israel: Structural impediments and basic dilemmas // *International Journal of Educational Development*. 2007. № 27 (3). P. 292–305.
38. *Paikowsky D., Ben Israel I.* Science and technology for national development: The case of Israel's space program // *Acta Astronautica*. 2009. № 65 (9–10). P. 1462–1470.
39. *Pessate-Schubert A.* Changing from the margins: Bedouin women and higher education in Israel // *Women's Studies International Forum*. 2003. № 26 (4). P. 285–298.
40. *Poutvaara P., Wagener A.* To draft or not to draft? Inefficiency, generational incidence, and political economy of military conscription // *European Journal of Political Economy*. 2007. № 23 (4). P. 975–987.
41. *Razin E., Hazan A.* Redrawing Israel's local government map: political decisions, court rulings or popular determination // *Political Geography*. 2001. № 20 (4). P. 513–533.
42. *Sa'di A. H.* The peculiarities of Israel's democracy: some theoretical and practical implications for Jewish–Arab relations // *International Journal of Intercultural Relations*. 2002. № 26 (2). P. 37–54.
43. *Sicherman H.* The Sacred and the Profane: Judaism and International Relations // *Orbis*. 2011. № 55 (3). P. 377–384.
44. *Smooha S.* Existing and Alternative Policy Towards the Arab in Israel // *Israel Studies*. 1999. Vol. 4. Issue 2. P. 1.
45. *Stier S.* Political determinants of e-government performance revisited: Comparing democracies and autocracies // *Government Information Quarterly*. 2015. Vol. 32. Issue 3. P. 270–278.
46. *Tzfadia E., Yiftachel O.* Between urban and national: Political mobilization among Mizrahim in Israel's 'development towns' // *Cities*. 2004. № 21(1). P. 41–55.
47. *Wedding K. C.* The AP Comparative Government and Politics Examination. Northfield: College City Publications, 2006.
48. *Wood E.* AP Comparative Government and Politics: a Study Guide. 2nd ed. Reading, PA: Wood Yard Publications, 2005. P. 12.